

Внешняя миграция как потеря социального капитала в региональном социуме

М. Ю. Бареев^{1*}О. Н. Курмышкина²

¹ *Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
(г. Саранск, Российская Федерация),
bareevmaksim@rambler.ru*

² *Научный центр социально-экономического мониторинга
(г. Саранск, Российская Федерация)*

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена неблагоприятной миграционной ситуацией в Республике Мордовия. Постоянный миграционный отток населения влияет как на состав человеческого ресурса региона, так и на его социальный капитал. Цель статьи – по результатам проведенного исследования определить взаимосвязь между социальным капиталом и миграционным поведением населения региона.

Материалы и методы. Статья базируется на социологическом исследовании «Гармонизация социальных отношений населения Республики Мордовия», проведенном в 2020 г. В анкетном опросе приняли участие 1 000 чел. В качестве кватных признаков выступили пол, возраст и место жительства респондентов. Изучен социальный капитал респондентов с активной миграционной стратегией, что позволило выявить его особенности и уникальные черты, а также провести оценки возможных сопутствующих при этом рисков для региона.

Результаты исследования. Проанализированы миграционные стратегии населения Республики Мордовия, где детерминантами возможной миграции выступают экономические факторы. Определены специфические и уникальные составляющие социального капитала потенциальных мигрантов, выявлена корреляционная взаимосвязь факторов и миграционных стратегий.

Обсуждение и заключение. Исследование показало, что активной миграционной стратегии придерживается наиболее экономически активная и молодая часть населения. Материалы статьи могут быть полезны региональным властям при решении

© Бареев М. Ю., Курмышкина О. Н., 2022

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

вопросов миграционной политики и регулировании миграционных потоков, а также ученым, исследующим социальный капитал потенциальных мигрантов регионов с низким уровнем социально-экономического развития.

Ключевые слова: социальный капитал, межрегиональная миграция, миграционная убыль, миграционные настроения, миграционные стратегии, молодежь, региональный социум, средний класс

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Бареев М. Ю., Курмышкина О. Н. Внешняя миграция как потеря социального капитала в региональном социуме // Регионоведение. 2022. Т. 30, № 1. С. 31–54. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.031-054>

Original article

External Migration and Loss of Social Capital in the Regional Society

M. Yu. Bareev^{a*}, O. N. Kurmyshkina^b

^a National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation),

* bareevmaksim@rambler.ru

^b Scientific Center for Social and Economic Monitoring
(Saransk, Russian Federation)

Abstract

Introduction. The relevance of the research is due to the unfavorable migration situation in the Republic of Mordovia. The constant migration outflow of the population affects the composition of the region's human resource and its social capital. The article examines the social capital of respondents with an active migration strategy.

Materials and Methods. The article is based on the sociological study "Harmonization of social relations of the population of the Republic of Mordovia", in 2020. 1000 people were interviewed for the study. The quota criteria: gender, age, and place of residence of the respondents. The characteristics and unique features of the migrant's social capital are determined. The authors identified possible risks for the region associated with migration.

Results. Migration strategies of the population of the Republic of Mordovia are studied. The economic factors are shown as the determinants of possible migration. The specific and unique features of social capital of potential migrants have been identified. So, the article defines the reciprocal correlation between factors and migration strategies.

Discussion and Conclusion. According to the results of the study, the economically productive and young part of the population adheres to an active migration strategy. The materials of the article can be useful for regional authorities to solve migration policy issues and to regulate migration flows.

Keywords: social capital, interregional migration, migration loss, migration sentiment, migration strategies, youth, regional society, middle class

The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Bareev M.Yu., Kurmyshkina O.N. External Migration and Loss of Social Capital in the Regional Society. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2022; 30(1):31-54. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.031-054>

Введение. Социальный капитал – важнейшая составляющая современного общества. Он оказывает влияние на экономику, политику и другие сферы общественной жизни. В условиях экономической нестабильности, существующей пандемии, проблемы потери и качества социального капитала особенно актуальны. Большое значение социальный капитал имеет для регионов, так как он во многом определяет их благосостояние, в том числе тех территорий, где отсутствует значимая ресурсная база (нефть, газ и пр.). Регионы как структурная составляющая общества способны накапливать и аккумулировать свой собственный уникальный социальный капитал. В то же время социальный капитал неотделим от индивида, так как именно на нем замкнуты те уникальные социальные сети и связи, которые и образуют социальный капитал. Однако последний способен не только накапливаться, но и изменяться под воздействием ряда факторов. В регионах может происходить обратный процесс – потеря социального капитала. На наш взгляд, в главной степени на это влияет миграция населения, которая приводит к разрушению социальных связей, разрывам социальных отношений между индивидами. В то же время причиной социальной мобильности населения является накопленный социальный капитал вне региона проживания.

По статистическим данным, находящимся в открытом доступе, миграционная ситуация в Республике Мордовия крайне неблагоприятная, характеризующаяся постоянной миграционной убылью населения¹. Вместе с процессом утечки человеческого ресурса в регионе происходит и потеря социального капитала. При этом в республике формируется собственный уникальный социальный капитал мезоуровня – исторически сложившиеся традиции, нормы и правила, формальные и неформальные сети. Все структурные составляющие такого социального капитала могут способствовать экономическому росту республики при условии грамотного использования, сохранения и преумножения.

Субъектом социального капитала выступает не отдельный индивид, а группы. Поэтому в данной статье мы хотим изучать социальный капитал потенциальных мигрантов. Нас интересует, каким человеческим и социальным капиталом обладает данная социальная группа, есть ли различия между мигрантами и «оседлым» населением. Цель статьи – согласно результатам проведенного исследования выявить зависимость социального капитала и миграционных установок населения на примере регионального социума, определить факторы (детерминанты) миграционного поведения различных групп населения.

Обзор литературы. На проблему изучения социального капитала ученые обратили внимание сравнительно недавно. Основоположники теории социального капитала рассматривали социальный капитал как некую

¹ Миграция населения Республики Мордовия за январь – октябрь 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <https://mrd.gks.ru/folder/27964> (дата обращения: 18.05.2021).

«совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания» (членство в группе) [1, с. 66]. Объем социального капитала находится в прямо пропорциональной зависимости от размера социальных связей индивида, которые он может мобилизовать и от объема капитала (экономический, культурный, символический) самого актора [1, с. 66]. В анализе социальных систем социального капитала используются экономические принципы рационального поведения индивида. Социальный капитал состоит из отношений других людей, при разрыве которых люди могут нести определенные потери. К уменьшению социального капитала и потере его значимости ведет самодостаточность и независимость индивидов [2, с. 123].

Центральная идея концепции социального капитала Р. Патнэма состоит в ценности взаимосвязи сети и норм [3], социальный капитал изучается через призму гражданской активности населения (Италии, США), членство граждан в различного рода организациях. Согласно Р. Патнэму, существуют две формы социального капитала: «сплачивающий группу» (*bonding* – в группах с сильными социальными связями и отношениями взаимообмена) и «наводящий мосты» (*bridging social capital* – соединяет участников разных групп и расширяет сферу взаимного обмена) [3].

Изучая социальный капитал современного европейского мигранта, зарубежные исследователи заявляют о двойственности взаимного влияния накопленного капитала и миграции: к миграционным практикам склонны люди с более высоким человеческим капиталом [4; 5] и уровнем образования [6]. Однако обратное воздействие на мобильность оказывают социальные связи: чем они сильнее, тем ниже миграционные установки [6]. Согласно противоположной точке зрения, в странах Европы люди с большим социальным капиталом менее мобильны, что объясняется защитой занятости [7].

Молодежь при принятии решения о миграции в первую очередь учитывает семейные связи и ресурсы, причем они же являются и причиной возвратной миграции [8]. В качестве основного пункта назначения молодые мигранты выбирают крупные города, самый пик миграционной активности молодежи приходится на первый год после окончания вуза [9].

Миграция оказывает отрицательное воздействие на социальный капитал регионов с высоким миграционным оттоком, в которых ослабевают социальные связи, снижается уровень доверия населения и регистрируется уменьшение численности общественных ассоциаций [10].

Таким образом, зарубежные исследователи рассматривали социальный капитал как некий ресурс, которым может воспользоваться индивид через систему социальных взаимоотношений и связей, основанных прежде всего на доверии.

Отечественные исследователи обратили свое внимание на изучение социального капитала лишь в начале 2000-х гг. Одними из первых российских социологов, которые изучали социальный капитал как фактор неравенства, формирующийся на качестве социальных связей, были В. В. Радаев, Н. Е. Тихонова, Л. И. Дискин, П. Н. Шихирев, В. А. Ядов² [11; 12]. Значимая роль социального капитала на экономическое развитие регионов отмечена В. Д. Афанасьевым: отсутствие социального капитала – это основное препятствие на пути экономического развития [13, с. 105]. В регионах России наблюдается дефицит работ по изучению социального капитала. Все попытки его исследования носят эпизодический и фрагментарный характер, нет четкой концепции и методологии его изучения [13, с. 102].

М. К. Горшков полагает, что высокий уровень социально-экономических и иных видов неравенств, существующих в России, подрывает социальный капитал российского общества, формирует устойчивую «культуру неравенства», которая характеризуется повышенными показателями агрессивности и низкой сплоченности [14, с. 706].

В качестве методологического инструмента анализа социального неравенства социальный капитал изучает А. Н. Красилова, которая приходит к выводу о взаимозависимости социального капитала с традиционными показателями социального неравенства [12, с. 165]. Чем выше уровень социального капитала индивида, тем большими экономическими и социальными благами он обладает.

Ряд исследователей изучали влияние социального капитала различных групп на их экономическое положение и адаптацию в условиях экономического кризиса [15–18].

К проблеме сохранения человеческого капитала в России и влиянию на него миграции обратился Р. Х. Симонян. Изучая региональные особенности миграционного поведения молодежи в различных областях России, он выявляет следующие закономерности: «чем ниже возможность самореализации у молодежи и беднее рынок труда, тем сильнее ее стремление уехать в другие страны»; «чем ближе к границам Евросоюза, тем меньше установка на отъезд из страны»; «эмиграция из России... сопровождается вывозом капитала и утратой интеллектуального и делового ресурса страны» [19, с. 324].

Особенности региональной миграции отмечаются в работах А. В. Одинова, А. И. Шипицина, А. Ю. Марченко, Н. В. Мкртчяна, Ю. Ф. Флоринской и М. С. Туракаева [20–22]. Российские исследователи все чаще изучают влияние миграции на формирование и развитие человеческого капитала в регионах [23–25]. В фокусе их внимания находится проблема влияния социального

² Ядов В. А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / под общ. ред. Т. И. Заславской. М. : Моск. высш. шк. соц. и эконом. наук, 2001. С. 310–319.

капитала мигрантов из ближнего зарубежья на процессы интеграции в российское общество [26–28]. При этом во всех исследованиях акцент делается на изучение тенденций сохранения или разрыва социальных связей с индивидами из страны-донора.

Одной из центральных работ, посвященных изучению взаимосвязи социального капитала и миграции, является публикация П. Жигаревой, где индикаторами социального капитала будущих мигрантов выступают уровень доверия в межличностных отношениях и институтам власти, а также распространенность социальных сетей индивидов [29]. Миграционные установки находятся в обратной зависимости от уровня доверия (как к власти, так и в межличностных отношениях), и в прямой зависимости от распространенности социальных сетей.

Таким образом, под социальным капиталом потенциальных мигрантов понимается некий накопленный группой ресурс, позволяющий получить в будущем определенный социальный результат посредством реализации миграционных практик. Практическая реализация социального капитала происходит через систему социальных взаимоотношений и связей, основанных на доверии.

Материалы и методы. В статье использовались данные социологического исследования, проведенного ГКУ РМ «НЦСЭМ» в 2020 г. в рамках мониторинга «Резервы гармонизации социальных отношений». В проекте применялся комплексный подход к изучению социальных отношений в Республике Мордовия, были выявлены оценки населением различных сфер общественной жизни, а также определен характер социальных настроений в обществе. Данные, полученные в ходе опроса, позволили оценить эффективность взаимодействия индивидов с различными социальными институтами, определить уровень распространенности миграционных настроений в обществе.

В качестве метода сбора социологической информации выступал очный анкетный опрос. Выборка была построена на основе официальной статистической информации, находящейся в открытом доступе. При формировании выборки использовался квотный принцип ее построения. Квотируемыми признаками выступали: место жительства (город, село), пол и возраст респондента (18–29 лет, 30–49 лет, от 50 лет и старше). Исследование проводилось во всех муниципальных образованиях Республики Мордовия. Объем выборочной совокупности составил 1 000 чел. Статистическая погрешность не превышала $\pm 4\%$ (3,7%), что обеспечило высокий уровень репрезентативности и надежности результатов. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили согласие к сотрудничеству.

Результаты исследования. По статистическим данным, размещенным в открытых источниках, Республика Мордовия в третье десятилетие XXI в. вошла с отрицательным миграционным сальдо; миграционная убыль населения за десять месяцев (январь – октябрь) 2020 г. составила 2 954 чел.

Коэффициент относительного миграционного сальдо для Республики Мордовия составил -37,9 на 10 000 чел. населения. Миграционный отток населения в равном объеме наблюдается по всем видам миграции: как межрегиональной (1 444 чел.), так и международной (1 510 чел.). Международная миграция происходит в основном со странами СНГ, а межрегиональная – с близлежащими регионами (Московская, Нижегородская, Ульяновская, Самарская области)³. Миграционный прирост населения сложился только с г. Москвой (202 чел.), что, вероятно, связано с последствиями пандемии.

Проблема миграционной убыли населения для республики актуальна уже несколько десятилетий, анализ миграционной мобильности населения с начала 2000-х гг. показывает, что миграционный прирост наблюдался только в 2014–2017 гг. и был связан прежде всего с активной политикой МГУ им. Н. П. Огарева по привлечению иностранных студентов⁴. Однако в 2018 г. выпускники зарубежных государств стали возвращаться на родину и в республике была зафиксирована высокая миграционная убыль населения – 5 481 чел., в то время как средний показатель за 13 лет составлял 2 500 чел. Неблагоприятная миграционная ситуация в Республике Мордовия приводит к дефициту человеческих ресурсов и, как следствие, к дефициту социального капитала региона.

При изучении социального капитала будущих мигрантов использовался ряд составляющих социального ресурса индивидов, выделенных В. А. Ядовым⁵, а также формы социального капитала, определенные Дж. Коулманом [2]. Объектом исследования в работе выступает социальный капитал не индивида, а социальной группы населения, объединяющим признаком которой является желание мигрировать из республики. Структурными составляющими социального капитала будущих мигрантов выступают их человеческие ресурсы (пол, возраст, уровень образования, занятость, уровень материального положения, место жительства), система ценностей, оценка межличностных отношений и уровень доверия к власти.

Охарактеризуем миграционные намерения населения Республики Мордовия в 2020 г. Согласно данным проведенного опроса, на переезд нацелена почти пятая часть респондентов: в ближайший год – 5,5 % и в отдаленной перспективе – 13,4 %. Учитывая, что 7,8 % не смогли определиться со своими планами на будущее, можно предположить, что часть из них пополнит ряды потенциальных мигрантов. Именно эта группа респондентов, нацеленная на миграционную мобильность, находится в фокусе анализа данной статьи. Большинство опрошенных ориентированы на внешнюю миграцию (межрегиональную (52,2 %) и внутрирегиональную (25,0 %)) и в качестве будущего места своего пребывания выбирают столичные и другие крупные города России. Десятая часть респондентов, определившихся с переездом,

³ Миграция населения Республики Мордовия за январь – октябрь 2020 года.

⁴ Мордовия: Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2020. 427 с.

⁵ Ядов В. А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал...

желает эмигрировать за рубеж, для провинциального региона это достаточно высокая цифра.

Полученные результаты перекликаются с данными многочисленных российских исследований по изучению эмиграции, где в качестве основных причин миграции молодежи рассматриваются «лучшие условия жизни за рубежом» (материальные и нематериальные компоненты), наличие перспектив и возможностей для самореализации, нестабильная экономическая ситуация в России, отсутствие порядка и гарантий безопасности [19]. В данной работе нас в первую очередь интересовали внешняя и межрегиональная миграции, поскольку миграционная убыль населения в соседние регионы является проблемой республиканского масштаба. В регионе миграционный настрой респондентов в первую очередь определяют экономические факторы: отсутствие возможности служебного и карьерного роста (57,3 %), ухудшение материального положения (42,7) и нехватка работы (41,0 %). Важное значение имеют многочисленные примеры отъезда знакомых (26,5 %). Данную причину можно рассматривать как проявление факта наличия социальных связей у достаточно весомой доли респондентов, ориентированных на мобильность с мигрантами в месте возможной миграции.

Вторую группу причин образуют социально-культурные детерминанты: неинтересная в культурном отношении жизнь (23,9 %) и желание посмотреть другие города и страны (19,6 %); также плохие жилищные условия потенциальных мигрантов для некоторых становятся определяющими при принятии решения о миграции (16,2 %).

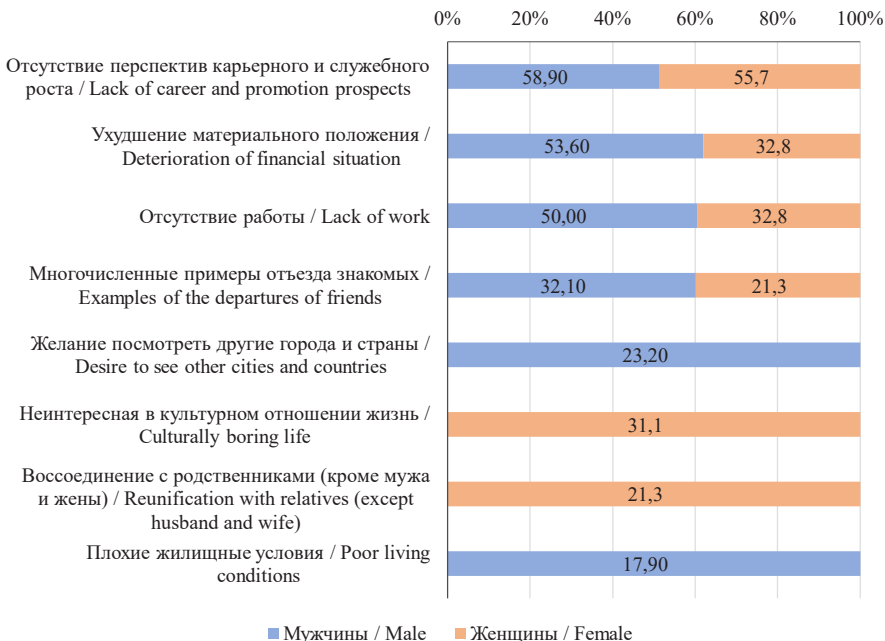
Главенствующая роль в миграционных установках регионального социума принадлежит экономическим причинам. По мнению респондентов, в республике нет работы, достойного заработка и условий для самореализации. Мордовия, как и Забайкальский край, относится к миграционно непривлекательным регионам, где основными мотивами для миграции выступают сложность поиска работы и низкая оплата труда [21, с. 149]. Однако жители Мордовии, в отличие от жителей Забайкалья, в качестве причин миграции не отмечают высокую стоимость проживания и транспортную оторванность.

Далее определим, какой социальный капитал теряет республика. Первой составляющей социального капитала выступают человеческие ресурсы потенциальных мигрантов. На межрегиональную миграционную мобильность в большей степени ориентированы городские жители – 14,4 % опрошенных горожан хотели бы уехать из региона. Гендерных различий в миграционных намерениях респондентов выявлено не было, мужчины и женщины почти в равной степени хотят навсегда покинуть республику, однако они наблюдаются в причинах возможной миграции. Безусловно, миграционный настрой обусловлен экономическими факторами, где главенствующая роль отведена отсутствию в регионе перспектив служебного и карьерного роста, однако есть существенные различия в их значимости для гендера (рис. 1). Половина мужчин отмечают, что

причиной переезда может стать ухудшение материального положения и отсутствие работы (53,6 и 50,0 % соответственно). В женской группе эти причины тоже занимают лидирующие позиции, но их значимость существенно ниже – 32,8 %. Для женщин важна «культурная» составляющая жизни: их досуговые интересы не находят деятельностного выражения в регионе, нет условий для удовлетворения культурных потребностей.

Р и с. 1. Причины возможной миграции мужчин и женщин, %
 F i g. 1. Reasons for possible migration of men and women, %

Гендерный фактор проявляется и в видах миграции. Так, мужчины в своих миграционных намерениях смелее и амбициознее. 16,0 % из них настроены на выезд в зарубежные страны, в то время как среди женщин этот показатель составляет всего 6,7 %. Женщины в основном ориентированы на межрегиональную миграцию (61,1 против 43,6 %).

Как и следовало ожидать, самый высокий уровень миграционных настроений наблюдается у молодежи; чем старше респондент, тем ниже уровень миграционных намерений. Почти половина молодежи (45,4 %) желает переехать, абсолютное большинство из них уже определилось с видом миграции.

На внутрирегиональную миграцию ориентирована четверть молодого поколения (24,2 %). Здесь большую долю составляют выпускники сельских школ, которые планируют продолжить свое образование в республиканских учебных заведениях. Больше половины (54,9 %) молодых людей нацелены на миграцию в другие регионы России, а десятая часть (12,1 %) – в другие страны. Миграционные желания опрошенной молодежи обусловлены теми же экономическими причинами, что и всего населения, однако особо остро для нее стоит проблема продвижения по карьерной лестнице. По мнению большинства опрошенных (70,5 %), в регионе нет возможностей для служебного и карьерного роста. Другая важная причина – это отсутствие работы (47,5 %). Наличие желаемой работы и условий для саморазвития выступает детерминантом и индикатором миграционного поведения как региональной молодежи, так и всего общества республики. Для респондентов в возрасте от 30 до 49 лет такие причины, как «невозможность построить карьеру в регионе» (60,6 %) и «ухудшение материального положения» (57,6 %), имеют равный вес для принятия решения о миграции. Падение уровня жизни является определяющим и для опрошенных старше 50 лет (43,5 %), остальные причины не имеют настолько большой вес.

Уровень миграционных настроений выше у респондентов с неоконченным высшим образованием (13,3 %), а именно у студентов. Среди лиц с высшим образованием процент потенциальных мигрантов ниже (6,6 %), что объясняется высокой мобильностью выпускников в первый год после окончания обучения. В связи с этим можно предположить, что если изучать мигрантов за пределами республики, то окажется, что среди них больше лиц с высшим образованием. Однако полученные данные не противоречат общемировой и общероссийской тенденциям, согласно которым люди с высшим образованием мобильнее [6].

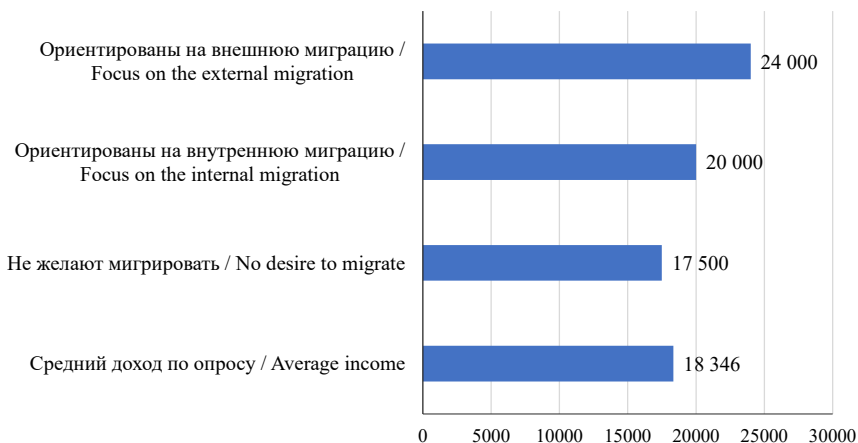
Как уже отмечалось, больше всего на миграцию ориентированы студенты и учащаяся молодежь (38,9 %), а также безработные (18,2 %). Таким образом, миграционные намерения населения зависят от возраста, пола и уровня образования и определяются прежде всего экономическими факторами. Из республики желают уехать больше трети студентов и четверти трудоспособного населения. Согласно исследованию С. В. Полутина и В. В. Козина, сменить место жительства намерены наиболее мобильные и квалифицированные группы молодежи [30, с. 197].

В отличие от других национальных республик в Мордовии не выявлены особенности миграционных намерений у населения по этнической и религиозной принадлежности. Так, например, основными компонентами социального капитала башкирского этноса являются этническая сплоченность [18, с. 62].

Согласно гипотезе нашего исследования, миграция детерминирована экономическими факторами, соответственно, потенциальные мигранты – это респонденты с низким уровнем дохода. Для определения уровня материального

положения использовались два метода: субъективная оценка респондентов и среднедушевой доход в месяц. Анализируя среднедушевой доход опрошенных, выявлена любопытная закономерность: чем выше среднедушевой доход, тем выше миграционные намерения населения (рис. 2). Самый высокий среднедушевой доход у потенциальных мигрантов, нацеленных на внешнюю миграцию, – 23 000 руб. (который соответствует медианной зарплате по Республике Мордовия); самый низкий – у респондентов, намеренных остаться в республике, – 17 500 руб. Субъективная оценка материального положения также выше у респондентов, нацеленных на мобильность.

Р и с. 2. Среднедушевой доход респондентов в зависимости от миграционной стратегии, руб.

F i g. 2. Capital income of respondents depending on the migration strategy, rubles

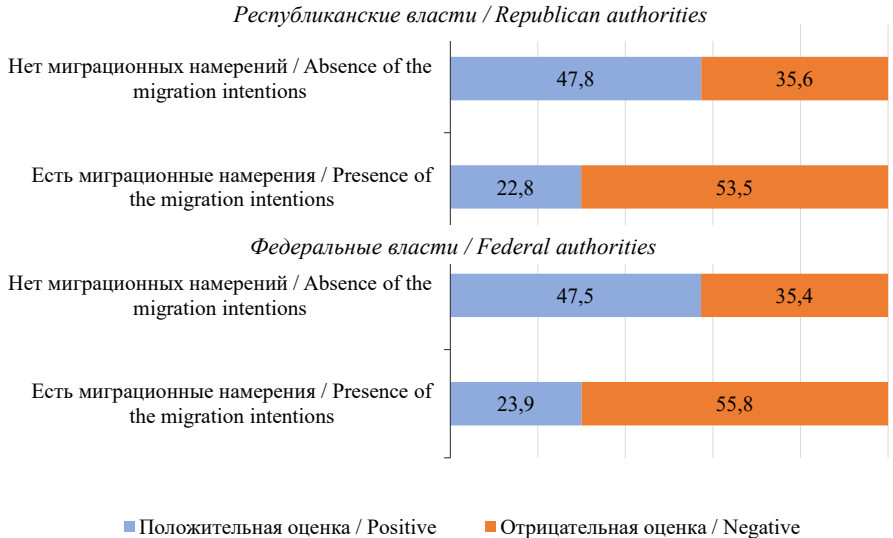
Второй составляющей социального капитала являются социальные ценности, разделяемые всей группой потенциальных мигрантов. Для потенциальных мигрантов и лиц, не желающих уезжать, общезначимыми ценностями являются здоровье, семья и материальный достаток. Однако для первых особо значимы свобода мыслей и демократия (25,6 %), а для вторых – спокойная размеренная жизнь (20,8 %).

Что же касается оценки межличностных отношений, то потенциальные мигранты в меньшей степени удовлетворены своими дружескими и семейными отношениями, соответственно и ниже уровень доверия к ним. Эти два показателя находятся в обратной зависимости: чем ниже уровень доверия в межличностных отношениях, тем выше миграционные намерения. Неустроенность социальных отношений, неудовлетворенность их «качеством»

если не являются основной причиной миграции в республике, то, по крайней мере, оказывают существенное влияние на принятие решения о переезде.

При оценке деятельности органов власти выявлена следующая закономерность: чем выше уровень миграционных настроений, тем негативнее оценка деятельности власти. Это касается оценки деятельности как республиканских, так и федеральных ветвей власти (рис. 3).

Р и с. 3. Оценка деятельности власти в зависимости от миграционных намерений, %

F i g. 3. The dependence of the assessment of the activities of the authorities and the migration intentions, %

Таким образом, используя терминологию В. А. Ядова, мы можем констатировать, что потенциальные мигранты имеют определенную ресурсоемкость, и это позволяет рассматривать их как агентов социальных процессов. Люди с высокой социальной мобильностью относятся к первому идеальному контрастному типу – молодой, достаточно материально самостоятельный, обладающий обширными связями с «нужными людьми», проживающий в крупном городе, достаточно образованный и с высокой личностной самооценкой⁶. Поэтому их необходимо изучать не как социальную общность субъектов солидарных действий, а как некую социально-ресурсную группу. Отличие этой группы от других состоит в том, что пока нет эмпирических данных, которые

⁶ Ядов В. А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал... С. 317.

подтвердили бы, что потенциальные мигранты идентифицируют себя как солидарная общность с определенными нормами и формами взаимодействия.

Второй этап анализа эмпирических данных заключался в проведении корреляционного анализа с определением факторов, оказывающих влияние на миграционные стратегии населения. Следует отметить, что переменные, используемые в рамках анализа, являются однонаправленными (от наименьшего значения признака к наибольшему), для установления степени значимости того или иного фактора использовался критерий корреляции Спирмена.

Результаты, полученные при помощи этой процедуры, подтверждают выводы, сделанные на основе таблиц сопряженности (двумерных распределений) (табл. 1). Анализ данных позволяет зафиксировать отсутствие связи между миграционными намерениями и половой принадлежностью, национальностью, уровнем образования. На принятие решения о миграции оказывает влияние место жительства, возраст и семейное положение респондента, причем здесь зависимость обратная. Чем моложе респондент, тем выше его желание мигрировать. К переезду больше готовы жители городской местности и респонденты, не состоящие в семейно-брачных отношениях. Уровень дохода – значимый фактор миграционной стратегии: чем выше доход, тем больше желание сменить место жительства. Вид возможной миграции коррелирует с местом жительства и образованием.

Таблица 1. Взаимосвязь факторов социального капитала с миграционными установками и видом миграции

Table 1. The relationship of social capital factors with migration attitudes and the type of migration

Факторы социального капитала / Factors of social capital		Миграционные стратегии (нет стратегии / есть стратегия) / Migration strategies (there is no strategy / there is a strategy)	Вид миграции (внутренняя/ внешняя) / Type of migration (internal / external)
1	2	3	4
<i>Социально-демографические факторы (ресурсы) / Socio-demographic factors (resources)</i>			
Пол / Gender	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	-,047	,098
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,130	,215
Возраст / Age	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	-,286**	-,019
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,000	,796

Продолжение табл. 1 / Continuation of table 1

1	2	3	4
Место жительства (город/село) / Residence (city/ village)	Коэффициент корреляции	-,085**	-,174*
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,006	,027
Образование / Education	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	-,010	,237**
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,749	,003
Семейное положение / Marital status	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	-,199**	-,0,78
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,000	,324
Национальность / Nationality	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	-,042	,014
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,154	,849
Доход / Income level	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	,055*	,051
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,037	,452
Субъективная оценка дохода / Subjective assessment of income	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	-,050	,040
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,087	,575
<i>Оценка деятельности власти / Assessment of the activities of the authorities</i>			
Оценка деятельности республиканских органов власти / Assessment of the activities of the government of the Republic of Mordovia	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	-,127**	-,326**
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,000	,000
Оценка деятельности федеральных органов власти / Assessment of the activities of the government of the Russian Federation	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	-,139**	-,288**
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,000	,001

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4
Оценка доверия властей к народу / Trust assessment of the authorities to the people	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	-,150**	-,157
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,000	,058
<i>Оценка межличностных отношений / Assessment of interethnic relations</i>			
Удовлетворенность работой / Job satisfaction	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	-,132**	-,060
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,000	,448
Удовлетворенность дружескими контактами / Satisfaction with friendly contacts	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	,025	,069
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,421	,381
Удовлетворенность материально-финансовым положением / Satisfaction with the material and financial situation	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	-,034	-,064
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,279	,418
Удовлетворенность семейными отношениями / Satisfaction with family relationships	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	,001	-,144
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,967	,068
Участие в политической жизни / Political participation	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	,006	-,232**
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,844	,004

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя) / Correlation is significant at the 0.01 level (two-sided).

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя) / Correlation is significant at the 0.05 level (two-sided).

Таким образом, социально-демографические критерии либо собственно человеческий капитал потенциальных мигрантов оказывают наибольшее влияние на принятие решения о миграции.

Миграционные намерения и оценка деятельности власти находятся в обратной зависимости, респонденты, настроенные на миграцию, менее позитивно оценивают деятельность как республиканских, так и федеральных

органов власти. Опрошенные с высоким потенциалом миграционной мобильности полагают, что власти к населению относятся с недоверием.

Наименьшее влияние на принятие решения о миграции оказывают межличностные отношения респондентов. Выявленная корреляция изучаемых переменных значима только при оценке удовлетворенности работой и отношениями с коллегами. Респонденты с активной миграционной стратегией чаще говорят о неустроенности отношений в профессиональной сфере.

Корреляционный анализ позволил выявить интересную зависимость: респонденты, не участвующие в общественно-политической жизни, имеют высокий уровень миграционной мобильности. Вовлеченность в общественную жизнь регионального социума создает тесные социальные связи, которые имеют обратное воздействие на возможную миграционную мобильность. Зависимости между удовлетворенностью семейными отношениями, дружескими контактами и миграционными установками не выявлены.

Система ценностей населения является неотъемлемой составляющей социального капитала. Поэтому мы представили для наглядности только те ценности, в которых есть существенные различия в изучаемых группах (табл. 2). Миграционные намерения выше у респондентов, для которых значимы любовь, образование, свобода мыслей и демократия, а также частная собственность, а для опрошенных, не желающих менять место жительства, – здоровье, семья и спокойная размеренная жизнь.

Таблица 2. Взаимосвязь факта выбора ценности с миграционными установками и видом миграции

Table 2. The relationship of values with migration attitudes and the type of migration

Выбор ценности / Value selection		Миграционные стратегии (нет стратегии / есть стратегия) / Migration strategies (there is no strategy / there is a strategy)	Вид миграции (внутренняя / внешняя) / Type of migration (internal / external)
1	2	3	4
Здоровье / Health	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	-,112**	,058
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,000	,457
Любовь / Love	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	,154**	,128
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,000	,102

Окончание табл. 2 / End of table 21

1	2	3	4
Образование / Education	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	,144**	,098
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,000	,211
Свобода мыслей, демократия / Freedom of thoughts, democracy	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	,185**	,137
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,000	,082
Семья / Family	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	-,098**	-,108
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,002	,168
Спокойная размеренная жизнь / Quiet well-ordered life	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	-,049	-,161*
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,115	,041
Частная собственность / Private property	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	,131**	,020
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,000	,797

Анализ данных позволил определить, что миграционные настроения и желания респондентов во многом определены экономическими факторами: отсутствие работы, условий для профессиональной самореализации и карьерного роста являются детерминантами миграционного поведения. Активной миграционной стратегии придерживается трудоспособная часть населения (преимущественно это студенты старших курсов вузов и экономически занятое население среднего возраста). Чем более образован человек, тем вероятнее, что он переедет в более благополучный регион. Процесс концентрации человеческого капитала усиливается межрегиональной миграцией [31].

На миграцию ориентирован в большей степени средний класс регионального социума (по субъективной оценке респондента), полученные данные подтверждают, что уровень миграционных настроений у респондентов с высоким доходом выше. Респондентов с высоким миграционным потенциалом чаще не устраивают отношения с коллегами, и они отрицательно оценивают деятельность властей.

Однако наиболее интересным, по данным социологического исследования, стал тот факт, что для респондентов с миграционными намерениями значимой ценностью является свобода мыслей и демократия. Также весьма

любопытно, что не наблюдается гендерных различий в миграционных намерениях населения. В то же время статистические данные свидетельствуют о маскулинном характере миграционных процессов, а это дает основания предполагать о наличии гендерных различий в миграционных практиках.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование показало, что сложившуюся миграционную ситуацию в Республике Мордовия нельзя назвать благополучной. Для региона характерен центростремительный характер миграции. Население в основном уезжает в ближайшие крупные регионы, а безусловным лидером выступает г. Москва и Московская область. Миграционный отток населения влияет не только на состав и структуру человеческого капитала, но и на социальный капитал региона. Социологическое исследование показало, что уровень миграционных настроений среди опрошенных достаточно высокий. Активной миграционной стратегии придерживается примерно пятая часть респондентов. В качестве причин возможной миграции выступают отсутствие работы, условий для карьерного и служебного роста, а также низкий уровень заработной платы.

На межрегиональную миграцию нацелены главным образом молодежь и респонденты среднего возраста. Миграционная стратегия респондентов напрямую зависит от уровня образования, уровня доходов, семейного положения и места жительства. В ходе анализа данных был выявлен ряд интересных закономерностей: активной миграционной стратегии в большей степени придерживаются респонденты с высоким уровнем дохода, потенциальные мигранты чаще не удовлетворены отношениями в профессиональной сфере, а также деятельностью органов власти.

Снижение уровня миграционных намерений населения возможно при условии создания новых рабочих мест, работающей системы социальных лифтов и повышении заработных плат в регионе. Поэтому формирование благоприятных условий для работы потенциальных мигрантов поможет не только снизить уровень миграционных настроений, но и привлечь население из других регионов.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при принятии управленческих решений федеральными и региональными органами исполнительной власти по вопросам регулирования миграционных потоков как внутри региона, так и за его пределами. Кроме того, материалы статьи будут полезны представителям научного сообщества, интересующимся вопросами социального капитала потенциальных мигрантов регионов с низким уровнем социально-экономического развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бурдые П. Формы капитала // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–75. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf (дата обращения: 18.05.2021).
2. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 122–139. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/217/076/1232/011kOULMAN.pdf> (дата обращения: 18.05.2021).
3. Oberle M. Robert D. Putnam: Bowling Alone. The Collapse and Revival of American Community, New York: Simon and Schuster 2000, 541 S. // *Klassiker der Sozialwissenschaften* / ed. by S. Salzborn. Springer VS, Wiesbaden, 2016. doi: https://doi.org/10.1007/978-3-658-13213-2_95
4. Bernard A., Bell M. Educational Selectivity of Internal Migrants: A Global Assessment // *Demographic Research*. 2018. Vol. 39, no. 1. Pp. 835–854. doi: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2018.39.29>
5. Garip F. Social Capital and Migration: How do Similar Resources lead to Divergent Outcomes? // *Demography*. 2008. Vol. 45, no. 3. Pp. 591–617. doi: <https://doi.org/10.1353/dem.0.0016>
6. Faggian A., McCann P., Sheppard S. Human Capital, Higher Education and Graduate Migration: An Analysis of Scottish and Welsh Students // *Urban Studies*. 2007. Vol. 44, no. 13. Pp. 2511–2528. doi: <https://doi.org/10.1080/00420980701667177>
7. David Q., Janiak A., Wasmer E. Local Social Capital and Geographical Mobility // *Journal of Urban Economics*. 2010. Vol. 68, no. 2. Pp. 191–204. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jue.2010.04.003>
8. Zorlu A., Kooiman N. Spatial Trajectories in Early Life: Moving on or Returning Home? // *Population, Space and Place*. 2019. Vol. 25, no. 7. doi: <https://doi.org/10.1002/psp.2268>
9. University Graduate Migration in Finland / N. Kotavaara [et al.] // *Geoforum*. 2018. Vol. 96. Pp. 97–107. doi: <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2018.07.010>
10. Spina N. Out-migration and Social Capital // *Oxford Textbook of Migrant Psychiatry* / ed. by D. Bhugra. Oxford University Press, 2021. doi: <https://doi.org/10.1093/med/9780198833741.003.0020>
11. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3, № 4. С. 20–33. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205038/ecsoc_t3_n4.pdf (дата обращения: 18.05.2021).
12. Красилова А. Н. Социальный капитал как инструмент анализа неравенства в российском обществе // *Мир России*. Социология. Этнология. 2007. № 4. С. 160–180. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9565657> (дата обращения: 18.05.2021).
13. Афанасьев В. Д. К исследованию роли социального капитала регионов в условиях социально-экономического кризиса // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2015. № 4. С. 88–108. doi: <https://doi.org/10.15838/esc/2015.4.40.6>
14. Горшков М. К. Общественные неравенства в пореформенной России: социологический диагноз // *Вестник РУДН. Сер.: Социология*. 2016. № 4. С. 693–718. URL: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/14805> (дата обращения: 18.05.2021).

15. Полищук Е. А. Социальный капитал и его роль в экономическом развитии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2005. Вып. 1. С. 10–16. URL: <https://economicsjournal.spbu.ru/article/view/3461> (дата обращения: 18.05.2021).
16. Татарко А. Н. Влияние социального капитала на экономические представления русских и китайцев // Психология в экономике и управлении. 2010. № 2. URL: <http://journalpsy.bgu.ru/reader/article.aspx?id=19706> (дата обращения: 18.05.2021).
17. Каравай А. В. Социальный капитал российских рабочих и их установки в отношении его накопления // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 1–4. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.01>
18. Валиахметов Р. М., Кадыров С. Х., Ягафарова Д. Г. Экономический и социальный капитал башкирского народа // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2013. № 2. С. 51–63. URL: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/6056> (дата обращения: 18.05.2021).
19. Симонян Р. Х. Миграционные настроения российской молодежи: региональный аспект // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 313–326. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.16>
20. Одинцов А. В., Шнипцин А. И., Марченко А. Ю. Центристремительная миграция молодежи из российской провинции: причины и тенденции (на примере Волгоградской области) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 335–354. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.788>
21. Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Почему люди уезжают из одних регионов и приезжают в другие: мотивы межрегиональной миграции в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 130–153. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1619>
22. Туракаев М. С. Образовательный уровень и культурный капитал как факторы миграции населения (на примере жителей Республики Башкортостан) // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 4. С. 122–130. doi: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6805>
23. Спиридонова Н. В., Судова Т. Л. Миграция человеческого капитала как фактор устойчивого развития // Проблемы современной экономики. 2019. № 3. 146–150. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=6700> (дата обращения: 18.05.2021).
24. Снигирева Г. Д., Сенникова И. Л., Останина Е. С. Проблематика миграции человеческого капитала (на примере Кировской области) // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). 2018. № 1. URL: <http://www.a-factor.ru/archive/item/52-problematika-migratsii-chelovecheskogo-kapitala-na-primere-kirovskoj-oblasti> (дата обращения: 18.05.2021).
25. Ишмуратова Д. Ф. Миграционный фактор развития человеческого капитала // Урбанистика. 2019. № 4. С. 15–20. doi: <https://doi.org/10.7256/2310-8673.2019.4.31505>
26. Татарко А. Н. Социальный капитал и аккультурационные стратегии как факторы социокультурной адаптации мигрантов из Центральной и Средней Азии в московском регионе // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14, № 2. С. 33–43. doi: <https://doi.org/10.17759/chp.2018140204>
27. Цой Г. Социальный капитал и адаптация южнокорейских мигрантов в России // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Психология. 2018. Т. 11, № 1. С. 58–67. doi: <https://doi.org/10.14529/psy180105>

28. Камалов Э. А., Понарин Э. Д. Субъективное благополучие мигрантов в России: влияние региональных характеристик и миграционного законодательства // Экономическая социология. 2020. Т. 21, № 1. С. 11–43. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2020/01/30/1569359014/ecsoc_t21_n1.pdf (дата обращения: 18.05.2021).

29. Жигарева П. Стратегии мобильности и сети доверия: анализ современных тенденций // Социология власти. 2015. № 4. С. 177–194. URL: <https://socofofpower.ranepa.ru/home/archive/2015/425424/#425419> (дата обращения: 18.05.2021).

30. Полутин С. В., Козин В. В. Профессионально-трудовое определение молодежи региона // Регионология. 2016. № 4 (97). С. 192–199. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/1493> (дата обращения: 18.05.2021).

31. Kauhanen M., Tervo H. Who Moves to Depressed Regions? An Analysis of Migration Streams in Finland in the 1990s // International Regional Science Review. 2002. Vol. 25, no. 2. Pp. 200–218. doi: <https://doi.org/10.1177/016001702762481249>

Поступила 05.04.2021; одобрена после рецензирования 07.06.2021; принята к публикации 19.06.2021.

Об авторах:

Бареев Максим Юрьевич, доцент кафедры социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6228-100X>, bareevmaksim@rambler.ru

Курмышкина Оксана Николаевна, старший научный сотрудник Научного центра социально-экономического мониторинга (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, д. 39а), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3324-5066>, mad-oksana@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

М. Ю. Бареев – постановка научной проблемы статьи и определение основных направлений ее решения; сбор материалов; структурирование и анализ полученных результатов; подготовка текста статьи.

О. Н. Курмышкина – сбор материалов и инициация исследования; определение методологии исследования; структурирование и анализ полученных результатов; подготовка текста статьи.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Bourdieu P. Forms of Capital. *Ekonomicheskaja sociologija* = Economic Sociology. 2002; 3(5):60-75. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf (accessed 18.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

2. Coleman J. Capital Social and Human. *Obshhestvennye nauki i sovremennost* = Social Sciences and Contemporary World. 2001; (3):122-139. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/217/076/1232/011kOULMAN.pdf> (accessed 18.05.2021). (In Russ.)

3. Oberle M., Robert D. Putnam: Bowling Alone. The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon and Schuster, 2000, 541 p. In: Salzborn S. (ed.) *Klassiker der Sozialwissenschaften*. Springer VS, Wiesbaden; 2016. (In Germ.) doi: https://doi.org/10.1007/978-3-658-13213-2_95
4. Bernard A., Bell M. Educational Selectivity of Internal Migrants: A Global Assessment. *Demographic Research*. 2018; 39(1):835-854. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2018.39.29>
5. Garip F. Social Capital and Migration: How do Similar Resources Lead to Different Results? *Demographics*. 2008; 45(3):591-617. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1353/dem.0.0016>
6. Faggian A., McCann P., Sheppard S. Human Capital, Higher Education and Graduate Migration: An Analysis of Scottish and Welsh Students. *Urbanism*. 2007; 44(13):2511-2528. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/00420980701667177>
7. David Q., Janiak A., Wasmer E. Local Social Capital and Geographical Mobility. *Journal of Urban Economics*. 2010; 68(2):191-204. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.jue.2010.04.003>
8. Zorlu A., Koyman N. Spatial Trajectories in Early Life: Moving Forward or Returning Home? *Population, Space, and Place*. 2019; 25(7). (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1002/psp.2268>
9. Kotavaara N., Kotavaara O., Rusanen J., Muilu T. University Graduate Migration in Finland. *Geoforum*. 2018; 96:97-107. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2018.07.010>
10. Spina N. Out-Migration and Social Capital. In: Bhugra D., ed. *Oxford Textbook of Migrant Psychiatry*. Oxford University Press; 2021. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1093/med/9780198833741.003.0020>
11. Radaev V.V. Term of Capital, Forms of Capitals and their Conversion. *Ekonomicheskaja sociologija* = Economic Sociology. 2002; 3(4):20-33. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205038/ecsoc_t3_n4.pdf (accessed 18.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
12. Krasilova A.N. Social Capital as an Instrument of Analysis of Inequality in Russia's Society. *Mir Rossii. Sociologija. Jemnologija* = Universe of Russia. Sociology. Ethnology. 2007; (4):160-180. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9565657> (accessed 18.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
13. Afanasev D.V. On the Question of Studying the Role of Social Capital under the Conditions of the Socio-Economic Crisis. *Ekonomicheskie i socialnye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2015; (4):88-108. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15838/esc/2015.4.40.6>
14. Gorshkov M.K. Social Inequalities in Post-Reform Russia: A Sociological Diagnosis. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologija* = RUDN Journal of Sociology. 2016; (4):693-718. Available at: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/14805> (accessed 18.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
15. Polishchuk E.A. Social Capital and its Role in Economic Development. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika* = St. Petersburg University Journal of Economic Studies. 2005; (1):10-16. Available at: <https://economicsjournal.spbu.ru/article/view/3461> (accessed 18.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
16. Tatarko A.N. Influence of the Social Capital on Economic Representation Russian and Chinese. *Psihologija v ekonomike i upravlenii* = Psychology in Economics and Mana-

gement. 2010; (2). Available at: <http://journalpsy.bgu.ru/reader/article.aspx?id=19706> (accessed: 18.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

17. Karavai A.V. Russian Workers: Social Capital and Capital Accumulation Settings. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: ekonomicheskie i socialnye peremeny* = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal. 2016; (3):1-4. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.01>

18. Valiahmetov R.M., Kadyrov S.H., Yagafarova D.G. Economic and Social Capital of the Bashkir People. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologija* = RUDN Journal of Sociology. 2013; (2):51-63. Available at: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/6056> (accessed 18.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

19. Simonyan R.H. Migration Attitudes of Russian Youth: A Regional Dimension. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: ekonomicheskie i socialnye peremeny* = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal. 2017; (6):313-326. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.16>

20. Odintsov A.V., Shipitsin A.I., Marchenko A.Yu. Centripetal Migration of Young People from the Russian Province: Causes and Trends (Example of Volgograd Region). *Monitoring obshhestvennogo mnenija: ekonomicheskie i socialnye peremeny* = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal. 2020; (3):335-354. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.788>

21. Mkrtychyan N.V., Florinskaya Yu.F. Why Some People Leave Certain Regions in Favor of Others: Motives Behind Interregional Migration in Russia. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: ekonomicheskie i socialnye peremeny* = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal. 2020; (5):130-153. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1619>

22. Turakaev M.S. The Level of Education and Cultural Capital as Migration Factors (Based on People Living in the Republic of Bashkortostan). *Sociologicheskaja nauka i socialnaja praktika* = Sociological Science and Social Practice. 2019; (4):122-130. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6805>

23. Spiridonova N.V., Sudova T.L. Migration of Human Capital as a Factor of Sustainable Development. *Problemy sovremennoj ekonomiki* = Problems of Modern Economics. 2019; (3):146-150. Available at: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=6700> (accessed 18.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

24. Snigireva G.D., Ostanina E.S., Sennikova I.L. The Migration of Human Capital (On the Example of Kirov Region). *A-faktor: nauchnye issledovanija i razrabotki (gumanitarnye nauki)* = A-factor: Research and Development (The Humanities). 2018; (1). Available at: <http://www.a-factor.ru/archive/item/52-problematika-migratsii-chelovecheskogo-kapitala-na-primere-kirovskoj-oblasti> (accessed 18.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

25. Ishmuratova D.F. Migration Factor in Development of Human Capital. *Urbanistika* = Urban Studies. 2019; (4):15-20. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.7256/2310-8673.2019.4.31505>

26. Tatarko A.N. Social Capital and Acculturation Strategies as Factors of Socio-Cultural Adaptation of Migrants from Central and Central Asia in the Moscow Region. *Kulturno-istoricheskaja psihologija* = Cultural-Historical Psychology. 2018; 14(2):33-43. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17759/chp.2018140204>

27. Choi K. Social Capital and Adaptation of South Korea Migrants in Russia. *Vestnik JuUrGU. Ser.: Psihologija* = Bulletin of the South Ural State University. Series "Psychology". 2018; 11(1): 58-67. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.14529/psy180105>
28. Kamalov E.A., Ponarin E.D. Subjective Well-being of Migrants in Russia: Effects of Regional Characteristics and Migration Legislation. *Ekonomicheskaja sociologija* = Journal of Economic Sociology. 2020; 21(1):11-43. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2020/01/30/1569359014/ecsoc_t21_n1.pdf (accessed 18.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
29. Zhigareva P. Strategies of Mobility and Networks of Trust: Analysis of Contemporary Tendencies. *Sociologija vlasti* = Sociology of Power. 2015; (4):177-194. Available at: <https://socofpower.ranepa.ru/home/archive/2015/425424/#425419> (accessed 18.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
30. Polutin S.V., Kozin V.V. Professional and Labor Determination of the Youth in a Region. *Regionologiya* = Regionology. 2016; (4):192-199. Available at: <https://regionsar.ru/ru/node/1493> (accessed 18.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
31. Kauhanen M., Tervo H. Who Moves to Depressive Regions? Analysis of Migration Fows in Finland in the 1990s. *International Regional Scientific Review*. 2002; 25(2):200-218. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1177/016001702762481249>

Submitted 05.04.2021; approved after reviewing 07.06.2021; accepted for publication 19.06.2021.

About the authors:

Maxim Yu. Bareev, Associate Professor, Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Cand. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6228-100X>, bareevmaksim@rambler.ru

Oksana N. Kurmyshkina, Senior Researcher, Scientific Center for Social and Economic Monitoring (39a B. Khmel'nitskogo St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3324-5066>, mad-oksana@yandex.ru

Contribution of the authors:

M. Yu. Bareev – statement of the scientific problem and identification of the ways of solving it; collection of materials; structuring and analysis of the results obtained; writing the text of the article.

O. N. Kurmyshkina – collection of materials and initiation of the study; choice of research methodology; structuring and analysis of the results obtained; writing the text of the article.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.